

Без стука не входить. Просьба не стучать

Паулина Хаас

Паулине не доставляет никакого удовольствия быть главной и ответственной, когда речь идёт о близняшке. Нет. Совсем. Этот камень она с радостью променяла бы на десяток других.

Но в глазах родителей из двух сестёр она главная и ответственная. И потому Паулина надевает своё самое терпеливое и вежливое лицо — и тащит, тащит и снова тащит. Тащит сестру туда, где её магию наконец должны укротить — хоть как-то, пожалуйста, потому что выносить это уже невозможно.

Всю дорогу Паулина только и делает, что нервно следит за сестрой. За Франц и её беспокойными глазами — чтобы она никого ими не зацепила, ни в кого их не вонзила, не натворила ничего. Её же совсем нельзя оставлять одну. Стоит Паулине ненадолго дать слабину, отлучиться в аэропорту всего на пару минут — и Франц уже оказывается возле какого-то паренька, вклинивается в зону его внимания и продолжает погружаться, как игла, по мере того, как всё дольше видит обращённый к ней взгляд. Конечно, она что-то в нём читает; конечно, видит что-то, что другие не могут, *не должны*. Паулина оттаскивает сестру, суёт ей в лицо газету, купленную в первом попавшемся магазине, и строго-настрого велит читать и не выделяться. Франц усмехается так, что сразу становится понятно: слушаться она не собирается. Ну так и Паулина не собирается от неё отходить.

Более-менее расслабиться у Паулины получается только уже на тропинке, ведущей из деревни непосредственно в Линь Ян Шо. Эта тропинка безлюдная, на ней никого не видно от горизонта до горизонта, вцепиться Франц не в кого — ну, а за себя Паулина особенно не переживает. Она про трюки сестры уже давно всё знает.

Снова встряхивается Паулина только тогда, когда перед ними с сестрой показываются ворота монастыря. Так, а здесь уже пора собраться и снова начать следить. Скороговоркой Паулина предупреждает: — Если вздумаешь с порога рыться у людей в головах, я тебя прибью, — а потом звонит в колокол и предупредительно делает вежливое-вежливое лицо.

Нельзя, чтобы их сразу же отсюда выставили. Никак нельзя.

Франц Хаас

Сперва, когда родители объявляют Франц, что отправляют её переучиваться в далёкий тибетский монастырь, девушка брыкается и пытается вывернуться и уклониться. Потом, вторым темпом её догоняет маленькое озарение: возможно, это не ловушка, не ограничения, а совсем наоборот, небольшая чудесная возможность. Кто знает, чему её *на самом деле* научат в монастыре. Ведь вероятнее всего, родители знают о далёком Линь Ян Шо столько же, сколько и сама Франц. Так чьи ожидания скорее могут сбыться? Франц предпочитает ставить на свои.

Но виду она, конечно же, не подаёт: если она уже возлагает некоторые надежды на этот план, то не нужно подавать окружающим поводы от него отказываться. Поэтому

Франц исправно играет в обиженную молчанку и не менее исправно чередует их с попытками устроить такой же обиженный скандал — а сама втайне рассчитывает на лучшее и интересное. В аэропорту она продолжает эту игру: улучив момент, когда сестра отлучается, перехватывает взгляд сидящего рядом паренька и раскручивает его, цепляясь за промелькнувшие во взгляде отзвуки мыслей — одним поддакивает, другие наоборот, осторожно оспаривает, стремится развернуть в другом, более удобном для неё направлении. Ей нравится видеть, как взгляд, сперва брошенный на неё мельком и узкий, как угольное ушко, фиксируется на ней, становится более широким и открытым, и мысли в нём уже не всплывают отдельными брызгами, а начинают катиться волнами, становятся длинными и полными, и разбирать их гораздо легче. Франц готова купаться в этих волнах, как в тёплой морской воде, и ей даже жаль, что сестра так быстро возвращается и всё обрывает.

Дальше большую часть путешествия Франц демонстративно читает и перечитывает газету, которую ей купила Паулина, а уже потом, на горной тропке, ведущей в монастырь, так же демонстративно изучает каждый свой шаг. Оживляется она уже вблизи от ворот, одновременно с сестрой. И в ответ на претензию пренебрежительно кривит губы: — Ой, ты что, будешь придирается к тому, с достаточным ли уважением я смотрю? Как мелко.

Ярина Миненко

Работой с учениками Ярина сейчас была загружена, наверное, меньше всех - во всяком случае, уж точно не входила в число тех славных мастеров, которые тянули на себе основную загрузку. Поэтому она охотно согласилась помочь и встретить новеньких учениц, которые должны были прийти в Линь Ян Шо и при необходимости побыть их куратором первое время - хотя с кураторством сейчас, конечно, тема была максимально шаткая и размытая. У Ярины было отчетливое ощущение, что кураторство как таковое сейчас и не работает вовсе, что мастера просто растянули на всех одеяло ответственности за учеников да так и работают, не разделяя на "своих" и "чужих" подшефных. Все около того "свои", но в то же время и не "свои", и в этом бульоне мутного статуса обучение нынче и варилось.

Возле ворот уже ждали две девушки. Две *абсолютно* одинаковые на лицо девушки-близняшки. Ладно, это будет сложнее обычного - но не невыполнимо, Ярина не думала, что близняшки окажутся идентичны настолько, что их будет невозможно различить. Надо просто как следует приглядеться и привыкнуть.

- Добрый день! Добро пожаловать в Линь Ян Шо, - дружелюбно сказала Ярина и легонько обозначила вежливый поклон. С одной стороны, ей хотелось быть кругом вежливой, а с другой, где-то в голове сидело, что мастер- это все-таки определенный статус, мастера не мельтешат и всем подряд челом не бьют, и, в общем-то, эту дилемму она для себя еще до конца не решила. - Меня зовут Ярина, я младший мастер монастыря. Прошу, проходите, я помогу вам устроиться и расскажу о расписании.

Пока Ярина говорила, у нее едва заметно зачесалась интуиция и обозначила легкие различия между близняшками: одна из них казалась как будто более светлой, а другая - более темной, словно от нее скорее стоило ожидать каких-то проблем. Своей интуиции Ярина привыкла доверять, но сейчас она отложила это в памяти чисто как маркер, который поможет различить учениц, и не восприняла пока как сигнал, что проблем следует ожидать вот прямо с порога.

Паулина Хаас

— Я буду придираться ко всему, даже к тому, на сколько миллиметров ты бровь поднимаешь. Не вздумай сейчас всё испортить, слышишь? — шипит Паулина, полная решимости любой ценой упаковать близняшку в монастырь для исправления. Даже если придётся её узлом завязать и бантиком сверху перевязать. Мысль о том, чтобы просто применить к сестре физическую силу, прямую и грубую, в отдельные моменты кажется очень соблазнительной. Особенно если знать, что на эту грубую силу Франц до сих пор не в состоянии дать немедленного ответа. Да, она обязательно даст ответ отложенный, вернёт грубость десятком отравленных шпилек, но сиюсекундно? сиюсекундно не противопоставит ничего, и тянет пользоваться этой лазейкой, пока она ещё открыта. Сейчас момент как раз такой — соблазнительный. Но Паулина делает глубокий вдох и заставляет себя успокоиться и не делать ничего опрометчивого. Нет уж, драки на пороге монастыря она не устроит, постарается обойтись без этого.

И пока Паулина думает обо всём этом и занимается дыхательными упражнениями — точнее, их бледным подобием, — их с близняшкой уже выходят встречать.

Встречающая... странная. Это маленькая рыжая женщина с совсем европейским лицом, и на тибетскую монашку она вовсе не похожа. Равно как и на кого-то, кто способен представлять собой авторитет, достаточный для того, чтобы заткнуть и перевоспитать Франц. Но Паулина быстро давит эти мысли, и с надеждой думает, что это только начало, наверное, такое, а все по-настоящему серьёзные и авторитетные люди появятся дальше. Зарядившись на это, девушка натягивает на лицо свою самую вежливую улыбку и рассказывает в ответ: — Здравствуйте! Я Паулина, а это моя сестра, Франц. Мы к вам на обучение — вернее, вот она на обучение, я больше сопровождаю, чтобы проверить, что всё идёт по плану. Будем рады, если вы поможете нам здесь освоиться, спасибо большое! — Дальше уже и идти бы за сопровождающей, которая как раз приглашает, но Франц, как назло, не двигается с места. А потому Паулина без затей хватает сестру за руку и дёргает к воротам.

Она уже знает, что увещеваниями в такие моменты почти ничего не добиться. Не стоит и начинать.

Франц Хаас

Сестра закипает, как большой чайник, это видно невооружённым взглядом. Но взгляд Франц по-своему вооружён, ей доступно больше. И, глядя в светлые глаза Паулины, готовые сейчас метать молнии, Франц сперва отчётливо слышит обрывки мысленного монолога о том, как чудесно было бы сейчас всё решить рукоприкладством, но как сейчас всё это нельзя, — а потом и практически видит саму себя с заломанными за спину руками. Прямой картинкой перед глазами не всплывает, но она должна здесь быть, она зажала внутри Паулины, мечется в бессильной ярости. И Франц, защищённая сейчас шлагбаумом приличий, продолжает дразнить. Она нарочито высоко вскидывает брови и замечает: — Ух ты, смотри-ка, сколько миллиметров сейчас! Много, да? Ну, и что ты планируешь с этим делать?

Но потом у ворот появляется новое действующее лицо, и Франц немедленно бросает сестру — с Паулиной давно всё понятно, всё предсказуемо и скучно, — и переключается на Ярину.

— Что вы, что вы! Она вас путает, шутит. Наоборот, это она Франц, а Паулина — это я, — нараспев замечает Франц, вклиниваясь в разговор и привлекая к себе внимание. И почти жадно перехватывает серый взгляд Ярины, чтобы сразу же понять: о чём она думает? О чём с ней поговорить, за что зацепить, куда завести? Но взгляд рыжей женщины неожиданно не несёт с собой ничего. Непривычная тишина оглушает. Франц на мгновение чувствует себя так, словно у неё уходит почва из-под ног. Нет, но не может же эта женщина совсем ни о чём не думать! Таких людей не бывает! Каждый, у кого в черепе есть мозг, хоть о чём-то да думает, пусть даже о сущей ерунде! Франц озадаченно щурится, пытаясь понять, в чём дело, и слегка подвисает из-за этого, и даёт Паулине повод влезть с руками. Рывок приводит её в чувство: Франц оступается, едва не клюёт носом в землю и сама уже огрызается на сестру: — Не смей так делать! — Синяки будут. Да и без синяков приятного ничего.

Ярина Миненко

Вот и хорошо, что Ярина была сразу насторожена и готова внимательно следить за новыми ученицами. Потому что ученицы принялись путать ее сразу с порога, расходясь даже в показаниях о том, как кого зовут. Но интонации первой девушки сразу показались Ярине более искренними - а мельком взглянув на ауры, она в этом только убедилась. Если аура первой ученицы плескала разными красками, от чистого волнения до незамутненной ярости, то вот по ауре другой расползались пятна зеленоватой синевы, явно говорящие о том, что кто-то здесь врет.

- Нет, все же я думаю, все наоборот. Ты - Франц, а Паулина рядом с тобой, - возразила Ярина второй ученице. И примерно в эти же мгновения почувствовала легкое прикосновение к ментальному щиту - но совсем слабое, не атакующее, а любопытствующее. Оно даже было похоже на случайное, какое бывает у новичка, который еще плохо контролирует чакру. И потому Ярина посчитала, что прямо сейчас можно на это касание не обращать внимания. Потом - да, потом надо будет взять Франц в оборот, провести ей полноценную лекцию по ментальной магии и обратить внимание на проблемы с контролем, причем желательно поскорее - но все же, не настолько срочно, чтобы ради этого все бросать и затевать урок прямо на пороге.

- Я помогу, не переживайте, - заверила Ярина. И деликатно проигнорировала сестринскую возню - в ее понимании, это была плюс-минус норма, и разнимать там было особенно нечего. Поэтому Ярина без лишних предисловий повела девушек вглубь территории монастыря. На ходу она пообещала: - Я помогу вам найти жилую комнату, расскажу о местном распорядке и обучении. Если будут вопросы, не стесняйтесь задавать их сразу, не откладывая. Если есть предпочтения в обучении, тоже говорите сразу. Я буду вашим временным куратором, пока вам не назначат постоянного, так что со всеми организационными вопросами можете первое время обращаться ко мне. - Надо же было для начала хоть какую-то иерархию перед ученицами обозначить. Ярина, к слову, не была уверена, что ей доверят эту парочку на постоянной основе. Может быть, переназначат к кому-нибудь более строгому и опытному.

Паулина Хаас

Паулина свирепо смотрит на сестру, когда та с порога принимается юлить и всё проверять, и даже имена их нарочито смешивает перед встречающей. Их с Франц и так путают из-за одинаковых лиц, а близняшка упорно делает всё, чтобы путали

ещё сильнее. Паулина всерьёз подумывает над тем, чтобы пнуть её, чтобы просьба прекратить звучала весомее, и удерживает её только нежелание показаться перед Яриной невоспитанной дикаркой. Потому что рыжая женщина держит себя так, как будто она в Линь Ян Шо — кто-то весомый. Явно не главный, но всё же, кто-то, кого не стоит игнорировать.

А потом Ярина легко, почти небрежно отмахивается от всей путаницы, которую пытается создать Франц, не обманывается ею, кажется, ни на секунду, и Паулина немедленно очаровывается. И даже сразу как-то проникается доверием к Ярине. Ей очень хочется так — доверять кому-то, кто различает их с Франц с первой секунды, кто обязательно не обманется и не спутает. Кто, возможно, поймёт, в чём проблема со "злым близнецом", и поможет её решить. Да вот и Ярина как раз говорит о помощи. Обнадёженно восторженно, Паулина кивает. И следует за Яриной по пятам, и близняшку снова тянет за собой, потому что Франц пробуксовывает так, словно в последний момент решила, что никуда идти не хочет.

— Мы будем очень рады, если вы останетесь нашим постоянным куратором, — заверяет Паулина за обеих — вернее, за себя, а к мнению Франц вообще прислушиваться не стоит, она назло выберет как хуже. Неизвестно ещё, как им повезёт с другим куратором, а с Яриной как будто некоторое везение уже сложилось. И Паулина думает, что лучше будет придерживаться этого везения и не рисковать с заменами. — Видите ли, у моей сестры есть проблема. Вернее, она *думает*, что это не проблема — но согласитесь, когда она не может удержаться от того, чтобы не покопаться в чужой голове, от нормы это далековато?

Франц Хаас

Франц чувствует себя слегка оглушённой и потому даже не очень реагирует на то, что мелет сестра, позволяет ей вести беседу куда заблагорассудится. У неё сейчас другая проблема, перед которой меркнет даже перспектива быть запертой в непонятном монастыре.

Что с её способностями? Почему сухая тишина там, где должен пульсировать родник чужих доверчиво приоткрытых мыслей? На несколько мгновений Франц чувствует себя так, будто лишилась руки или ноги, и панически полагает, что дело в ней. Не сразу у неё получается успокоиться и начать рассуждать. Нет, должно быть по-другому. Если везде всё было в порядке, и только в этом странном монастыре начались сбои — куда как вероятнее, что дело в монастыре. Или, может быть, даже не в нём самом, а конкретно в непонятной рыжей женщине.

Что ж, это можно проверить и отобрать одно от другого. У Франц для этого как раз рядом есть двое чудесных подопытных. Девушка снова сосредотачивается на беседе, выгадывает момент, чтобы вклиниться в неё и привлечь внимание. Найти такой момент оказывается легко. Паулина начинает жаловаться незамедлительно. На её обвинения очень просто среагировать, и Франц реагирует. Она презрительно фыркает: — Если ты завидуешь, имей смелость сказать об этом прямо. Не прикрывайся своими "нормами", — и тут же ловит метнувшийся к ней взгляд, проверить, всё ли в порядке.

О, всё в порядке. От Паулины привычно брызжет раздражением, и проскальзывает осколок недовольно-оскорбительного, и Франц, привычно чуть порезавшись об этот осколок, успокаивается. С ней всё как было. И монастырь тут ни при чём. Дело в

женщине, объявившей себя их куратором. Франц оборачивается к Ярине и ловит уже её взгляд, готовится вцепиться снова. Возле неё всё сбивается и ломается, как будто Ярина окружена глухой стеной, но... почему?

Ярина Миненко

- По поводу кураторства - это решаю не я, - сразу честно сказала Ярина, чтобы не создавать у девушек лишних ожиданий. Как будто ее можно хорошенько поумолять, и все выйдет так, как им хочется. Потому что не выйдет: Ярина в иерархии мастеров до сих пор была глубоко на младших позициях и уж точно решала такие организационные вопросы в последнюю очередь. Она была скорее так, последней линией обороны, на случай, если ни у кого из более опытных мастеров не найдется ни времени, ни сил, ни желания.

А уж когда Паулина заговорила о проблемах ее сестры, Ярина и вовсе напряглась. По описанию было похоже на базовую ментальную магию, отягощенную полным отсутствием желания ее контролировать. И потенциально - на всю грязь, которую из начинающих ментальных магов вообще-то надо было стараться выбивать. На отсутствие границ, пренебрежение банальной этикой и все такое прочее. И, обернувшись к Франц, чтобы уточнить, сколько в утверждении ее сестры процентов правды, а на сколько Паулина преувеличивает или искажает факты, Ярина немедленно ощутила на себе это "все прочее". Ментальная атака - причем неприятная, царапнувшая щит очень уверенно - тут же ударила ее почти что в лоб, ощутилась как бур, который пытается просверлить сквозь череп до мозга, добраться до скрытых в нем мыслей. Ярина поморщилась, встряхнула головой, сбрасывая зрительный контакт, и предупредила: - Франц, отвыкай так делать. Если ты не умеешь - или не хочешь - контролировать свой дар, тогда за тебя это сделают мастера, пока ты никому не навредила. - Такие случаи в монастыре были очень редки, но тем не менее, Ярина о них все же слышала, а потому посчитала возможным пригрозить этим ученице. Вот во второй угрозе она была куда как более уверена: - К тому же, если ты не хочешь понять границ понимания магии, никто не возьмется обучать тебя более серьезным вещам. Неужели ты так и хочешь навечно застрять на уровне интуитивного колдовства? Чтобы тебя с легкостью опрокидывал любой более-менее обученный маг? - В этом месте немножко прихрамывала логика, но Ярина посчитала возможным пока через нее перешагнуть. Вот когда Франц выделяют наставника, который возьмется за нее всерьез, вот там уже и будет серьезный разговор с полными логическими выкладками. А Ярина пока так, слегка готовила почву.

Паулина Хаас

Ярина стоит на том, что по поводу кураторства она ничего не решает, но вместе с тем — от её отказа не остаётся ощущения, что она категорически не хочет брать девушек под своё крыло и будет ло конца отпихиваться от них руками и ногами. Во всяком случае, Паулине кажется, что ничего подобного не происходит. И потому она рискует настоять на своём ещё немножечко.

— Да, но может быть, вы сможете за нас попросить? Сказать, что вы нам очень понравились и что мы хотели бы учиться у вас? — просит Паулина, стараясь сделать для этой просьбы самое милое и вежливое лицо. Хотя сложно, конечно, хлопать вежливым лицом, когда под боком фыркает и швыряется презрительными фразами Франц. Паулина метает в близняшку раздражённый взгляд, следом, улучив момент, наступает ей на ногу, пытаясь выключить ей очень мешающий сейчас звук,

— и снова с вежливой надеждой оборачивается к Ярине.
Ну пожалуйста.

От Ярины звучит не совсем то, чего ожидала Паулина. Вернее, совсем не то. Неожиданное. Но Паулине это кажется таким приятным, что она сбивается с шага и едва не замирает в приступе восторга.

Франц отчитывают! У Франц, кажется, вообще ничего не выходит из её привычных трюков!

Это некрасивое злорадство, но Паулина полагает, что может его себе ненадолго позволить. У неё, в конце концов, такая история долготерпения за плечами. Поэтому сейчас Паулина откровенно наслаждается растерянностью на лице близняшки и поддакивает: — Вот-вот, скажите ей! Никакой это не дар, это сплошная заноза в... везде, она везде его суёт! Ну должны же быть какие-то рамки, правила какие-то!

Франц Хаас

Стоит Ярине посмотреть — она смотрит *идеально*, очень прямо и спокойно, не пытаясь отвести взгляд, за неё должно быть очень легко зацепиться, — и Франц снова бросается в атаку. В этот раз она уже не церемонится, не старается быть мягкой и по возможности незаметной. Она впивается Ярину изо всех сил, вгрызается взглядом во взгляд, упорно рвётся к сокрытому, но такому манящему, даже в какой-то степени уже нужному, необходимому.

Ничего. Ничего. Она словно бьётся всем телом в стену — и чувствует, что за этой стеной есть отзвук тайника, возможно, даже с сокровищами, но никак не может до него добраться. А потом Ярина слегка морщится, и с лёгкостью ломает соединение взглядов, сбрасывает визуальный контакт, и Франц только и остаётся, что в бессилии кусать щёки и губы.

Так вот в чём сила магов из Линь Ян Шо? Получается, они блокируют чужие способности, выпивают их? Поэтому родители отправили Франц сюда? Поэтому так торжествует сейчас близняшка?

Первые слова Ярины как будто лишь подтверждают эту страшную догадку. Как ещё можно понять слова о том, что мастера проконтролируют дар Франц вместо неё? Это значит — отнимут, ведь верно? Но потом Ярина неожиданно начинает говорить о другом. О каком-то обучении. Что-то про обученных магов, которые размажут Франц хлопком одной ладони — вероятно, сама Ярина как раз из таких, и в этом месте Хаас вся обращается в слух. Если это тоже одна из граней дара, если этому можно научиться — о, Франц хочет, она желает уметь не только подслушивать. Ради этого она сделает вид, что принимает здешние благочестивые правила. Франц склоняет голову, лёгким намёком обозначает что-то похожее на реверанс и соглашается: — Вы правы, границы важны. Я бы очень хотела обучаться, в том числе для того, чтобы лучше эти границы понять. Что мне нужно сделать для этого? Я готова.

Ярина Миненко

Чем дольше Ярина смотрела на близняшек, тем настойчивее ей казалось, что тут будет непросто. Даже с Паулиной, будто бы миролюбивой и вежливой, тоже не обещалось, что проблем не будет. То, как она бросилась едва ли не с торжеством топить сестру, ничем здоровым не пахло. И Ярина не была готова поручиться за то, как Паулина отреагирует, когда узнает, что в монастыре много ментальных магов, а просто магов самых разных направленностей и того больше. То, что она не

возмутилась сейчас, еще ничего не значило. Возможно, до нее пока просто не дошло. С Франц же сразу было зримо тяжелее. На словах она немедленно признала свою неправоту. Но Ярина, усомнившись в искренности этого легкого согласия, на всякий случай кинула беглый взгляд на ауру девушки - и увидела, как по ней расползаются синие пятна с ядовитым зеленоватым оттенком, однозначно указывающие на неискренность.

Ну да. Логично. Слишком легко отступила от того, к чему, по словам Паулины, привыкла прибегать всю жизнь.

- Нет, ты не готова. И не надо пытаться меня обмануть, пожалуйста, - возразила Ярина. - Услышь меня, пожалуйста. Вопрос не в том, что говоришь, а в том, как думаешь, как относишься к своему дару. Пока будешь считать, что его бесцеремонное применение - это норма, никто не возьмется тебя учить, чтобы не сделать хуже ни тебе, ни окружающим. - Мысленно она сразу поставила себе пометку: предупредить других мастеров. К ментальной магии Франц в таком виде точно подпускать нельзя. Да и по остальной магии как будто было лучше лишний раз подумать.

На просьбу Паулины Ярина, не рискуя давать ни обещаний, ни надежд, повторила:

- Принимать решение буду не я, это от меня не зависит, - и мрачно подумала, что если бы от нее действительно что-то зависело, она бы всеми руками и ногами рекомендовала передать близняшек - уж по меньшей мере, Франц - под опеку кого-нибудь с рукой и характером потверже. Например, направить к мастеру Флетчеру, там и по части ментальной магии, и по части твердого характера все будет куда надежнее.

Но если ей скажут, что обе девушки теперь под ее ответственностью, то придется разбираться самой, не сбегать же.

- Жить будете вместе. Идемте, покажу вашу комнату, - сказала Ярина и повела девушек к жилому корпусу. Расселять близняшек по отдельности показалось ей неуместной идеей - Паулина хотя бы знает, чего от Франц ожидать, а если подложить эту мину замедленного действия неподготовленным ученикам, так едва ли выйдет что-то хорошее.

Паулина Хаас

Надежды Паулины оправдываются не полностью. Ярина всё-таки продолжает называть выкрутасы Франц "даром". Это заставляет Паулину озадаченно подвиснуть: как, разве?.. Что, вот это бесцеремонное, лезущее в голову ко всем подряд жадными щипцами — и может называться таким светлым словом?

Да что вы. Немыслимо.

Впрочем, у Паулины уже есть некоторое доверие к Ярине — и сейчас оно только подтверждается тем, как Ярина продолжает ловко срезать Франц на поворотах, не позволяет ей привычно вывернуть все по-своему и всех под себя прогнуть, — поэтому девушка взвешивает её странные слова как что-то, к чему всё же стоит прислушаться, ищет им оправдание.

Ну... это, наверное, как с молотком? Можно забить им гвоздь, чтобы построить дом, а можно — тут Паулина колеблется, отгоняя чёрные сравнения, как назло, приходящие на ум одно за другим, — ну, скажем... о, вот, разбить вазу. Молоток один, а эффект совсем разный. И если получается, что Франц "бьёт вазы", то Ярина... а можно вообще таким способом делать что-то, близкое к тому, чтобы "строить дома"? Паулине сложно представить себе такое, но... может быть, всё-таки

действительно возможно? Если Ярина говорит, что делать так, как Франц, нельзя, но при этом говорит об обучении — значит, есть и способ делать по-другому, правильно?

Обучение. Паулина обращает внимание на это слово только сейчас, и у неё в мозгу запоздалыми всполохами взрываются обнадеживающие догадки.

— А меня вы научите? — спрашивает она и спешит за Яриной, пытается не отстать ни на шаг. — Вы же как-то *защищаетесь* от неё, верно? И других защитить можете? Мне тоже так нужно. Она же себя не контролирует вообще! Так я буду делать это вместо неё, я всегда рядом. — Вот же оно. Решение, которого так долго не хватало. Просто чудесно. Как раз то, что надо.

Франц Хаас

Франц близка к тому, чтобы взбеситься — то ли от своей внезапной беспомощности, то ли от негодования, то ли от всего сразу.

Она не привыкла оказываться в ситуации, когда всё идёт не так, как надо. Обычно у неё всегда есть способ обогнуть углы, согнуть обстоятельства в свою пользу, выйти из ситуации если не победительницей, то хотя бы не полностью проигравшей. С Яриной же это категорически не работает. Она не позволяет коснуться ее мыслей, отказывается верить словам — хотя Франц полагает, что произносит примерно то, что от неё должны сейчас хотеть, — и даже коснуться её, чтобы понять, что она чувствует, подстроиться под неё, не получается, при попытке сделать это Франц упирается во всё ту же глухую стену, гладкую и прохладную, словно вымороженную.

Так. Так. Спокойно. Если беситься, это вряд ли поможет. Бывают случаи, когда швырнуть на стол полную карту эмоций уместно, но сейчас? Франц сомневается, что это чем-то поможет. Она кусает губы и соображает, старается всё же как-нибудь вывернуть дело в свою пользу. Глупо отрицать перед собой, что слова про обучение её не заинтересовали. Напротив, за ними мерещится какая-то особенная глубина, целый парад особенно острых умений, которые отлично бы ей послужили. Надо до них дотянуться. Но спорить с Яриной — явно не та тактика. Чутьё подсказывает, что она немедленно и всем другим преподавателям передаст, кого здесь учить не стоит. И пока Франц думает, в брешь в диалоге уже лезет Паулина и требует обучать её.

— У тебя ничего не выйдет. У тебя же нет дара, ты *без-дарная*, — колко возражает Франц. И осторожно прощупывает границы следующего заявления Ярины: — Нам с Паулиной обязательно жить вместе? Я бы не хотела.

Но здесь, возможно, придётся всё же уступить. Чтобы её не записали в совсем необучаемую.

Ярина Миненко

Разговор в итоге вильнул все же не в ту сторону, в которую Ярина предполагала. С несколько поздним зажиганием завелась Паулина и начала тоже набиваться в ученицы. Причем с энтузиазмом, который Ярине не то чтобы понравился. Особенно в части "я буду контролировать сестру". Похоже, подход к ментальной магии по итогу был знатно искажен у обеих. С такими вводными - Ярина ни одной бы не рискнула доверять такой сложный, тонкий и вместе с тем очень мощный магический инструмент. У Паулины, похоже, под влиянием Франц тоже знатно вывернулось понимание того, как можно применять магию, только на другой лад, вот и вся

разница.

- Нет, с этим мы спешить не будем, - твердо возразила Ярина. Ей просто для собственного спокойствия надо было обсудить это все с кем-нибудь более опытным, прежде чем принимать скоропалительные решения. Таким ответом она, возможно, подливала масла в конфликт сестер, потому что Франц уже принялась поддевать Паулину и поддразнивать. А с другой стороны - согласись она, и Франц задело бы то, что сестру учить согласны, а ее саму - нет. Это все выглядело карточным домиком: куда ни ткни, все равно зашатается.

И вот только что Ярина думала о том, что расселять близняшек - плохая идея.

- Да, вам обязательно жить вместе, - подтвердила Ярина. С этой точки она сдвигаться не собиралась и даже полагала, что не стоит вдаваться в объяснения, чтобы ее там где-нибудь не запутали по дороге. Обязательно и точка. Заведя близняшек в жилой корпус, Ярина провела близняшек до ближайшей свободной комнаты и открыла перед ними дверь.

- Заходите, обустраивайтесь. Жить будете здесь, - пригласила она. - Комнаты все одинаковые, класса "люкс" не ищите. С соседями осторожнее, - тут в соседних комнатах обретались крепкие ученики и ученицы, от которых можно было огрести, если нарываться. Впрочем, кротких и безопасных учеников, об которых можно было бы всласть нарываться без риска для себя, вообще отыскать было трудно. Атмосфера в жилых корпусах всегда была такая, умеренно наэлектризованная. Даже с периодическими бабахами и бадабумами.

Паулина Хаас

Отказ, который получает близняшка, Паулина воспринимает логичным, закономерным и правильным. Всё верно, она и так уже окружающим проела все головы, нечего делать злого дятла ещё злее. Наоборот, лучше дать тем, кто вокруг, силу и способ её остановить. Поэтому свою просьбу Паулина полагает очень разумной и верной. И от попыток Франц уколоть её только отмахивается: — Да-да, ты зато одарённая на всю голову. Тебе уже отказали, не мешайся.

А вот отказ, который получает она сама, — это уже очень неприятно. Да, он как будто звучит немного мягче, высказан Яриной несколько деликатнее, но приятнее от этого не становится.

— Ладно. Не будем спешить. Тогда я потом к вам с этим подойду, — соглашается Паулина. Она всё же полагается на то, что ей не сказали настолько жёсткого и прямого "нет", как Франц, а скорее обогнули её вопрос. Не давить, чтобы этого прямого "нет" не появилось, и на этом месте потом обязательно проклюнется "да". Паулине кажется, что это неплохая тактика. Как будто можно в неё поверить.

Франц тем временем начинает выёживаться и заявлять, что не хочет жить с Паулиной. Ага. А хочет при полном отсутствии надзора пойти вразнос, очевидно. Чего от неё ещё ждать.

— Нет уж. Я тебя бродить одну по монастырю не пущу. Ещё чего! — немедленно возражает Паулина. И с надеждой оглядывается на Ярину: — Вы же нас не расселите? Пожалуйста?

Нет, не расселяет. Ну и прекрасно. Паулина, не тратя времени, тут же начинает утрамбовывать Франц в выделенную им комнату. И успевает только напоследок уточнить в промежутках: — Нам что-то важно знать? Расписание, занятия, куратор?

Франц Хаас

В адрес Паулины звучит примерно такое же "нет", как и в адрес самой Франц. Да, чуть более мягкое, но тем не менее, это всё ещё "нет". Франц, которая успела было внутренне напрячься и подумать о том, как будет неприятно, если сестру допустят к тайнам магии, а её саму выкинут на обочину, тут же расслабляется. И с удовольствием напоминает: — Конечно, с тобой спешить некуда. Ты же *без-дарная*, тут торопись не торопись, толку не будет. Хотя, если обождать как следует, может, в тебе что и проклюнется. Лет через двадцать.

В шансе разбежаться с близняшкой по разным комнатам Франц довольно предсказуемо отказывают. Жаль, но что поделать. Франц оставляет себе зарубку на память: попытаться и это в будущем продать и выцарапать себе. Не может быть, чтобы здесь все вечно жили в той же комнате, в какую заселились, как на цепь посаженные, и никогда это место проживания не меняли. Наверняка есть какие-то обмены комнатами и переезды. Вот можно будет и поспорить за эту возможность. Потом. Позже. Когда о ней начнут думать лучше в монастыре.

Паулине берётся загонять Франц в комнату как-то совсем уж невежливо. Как какую-то корову блудливую. Франц вырывается, шипит: — Оставь меня в покое! У меня есть ноги, я сама зайду! — и, оставляя сестру разбирать с Яриной какие-то вопросы, проходит вглубь комнаты, начинает там деловито обустраиваться. Выбирать циновку получше, сторону комнаты, на которую удачнее заходит солнце, и всё в таком духе. Да, мелочи — но Франц каждую такую мелочь намеревается забрать себе, пока есть возможность и близняшке не до дележа.

Ярина Миненко

Близняшки устроили на пороге комнаты что-то, похожее на стычку - ну ничего, взрослые, разберутся сами. Лезть к ним Ярина не стала, ни чтобы сделать замечание, ни тем более чтобы разнять девушек. Они были уже не маленькие и явно как-то уживались друг с другом все предыдущие годы, друг друга не поубивали. Ну значит, и сейчас ничего дурного случиться не должно было. Ярина терпеливо подождала, когда девушки перестанут пытаться свалиться в потасовку на пороге и дружелюбно кивнула Паулине, обратившейся к ней с вопросом.

Ну наконец-то простые вопросы, ура.

- Из базового - важно не выбиваться из ритма жизни монастыря и следовать общему расписанию, - объяснила Ярина. - Подъем в шесть утра, отбой в одиннадцать вечера. Три общих приема пищи в столовой - в семь утра, в два часа дня и в восемь вечера. Мимо столовой мы с вами проходили, это большое здание сразу справа от моста через ручей. Но если вдруг будут проблемы с тем, чтобы сориентироваться - спросите дорогу у кого угодно, здесь все всё знают и подскажут вам. Это самое базовое, об остальном с вами позже поговорит куратор. - Здесь Ярина, не удержавшись, мысленно присовокупила "хоть бы не я, пожалуйста" и поспешила попрощаться с девушками. Она по-прежнему не считала, что справится с близняшками должным образом, учитывая всеотягающие обстоятельства. Опыт не тот, внушительный припечатывающий взгляд еще в должной мере не отрепетирован и недостаточно тяжел, и страшные клыки которыми можно было бы кусать непослушных учеников, тоже еще как следует не отросли. В общем, на взгляд Ярины, в этом конкретном случае требовалась артиллерия потяжелее. И Ярина

намеревалась привлечь ее самопальным способом, если на официальном уровне ей откажут. Вот примерно прямо сейчас, пожалуй, и стоило начать.
